

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. И. Фонвизин

КОМЕДИИ

Школьная библиотека (Детская литература)

Денис Фонвизин

Комедии

Издательство «Детская литература»

XVIII в., 1999 г.

УДК 821.161.1-22
ББК 84(2Рос=Рус)1-6

Фонвизин Д. И.

Комедии / Д. И. Фонвизин — Издательство «Детская литература», XVIII в., 1999 г. — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-006322-0

В книгу вошли две знаменитые комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль», а также прозаические произведения: «Всеобщая придворная грамматика», «Рассуждение о непременных государственных законах» и «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-22
ББК 84(2Рос=Рус)1-6

ISBN 978-5-08-006322-0

© Фонвизин Д. И., XVIII в., 1999 г.
© Издательство «Детская литература», XVIII в., 1999 г.

Содержание

Денис Иванович Фонвизин	7
Бригадир	17
Действие первое	18
Действие второе	26
Действие третье	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Денис Иванович Фонвизин Комедии. Прозаические произведения

Д. И. фонъ-Визинъ

1745–1792

© Афанасьев Э. Л., вступительная статья и комментарии, 1999

© Белов А. Н., иллюстрации, 1999

© Оформление серии, составление. Издательство «Детская литература», 2003

Денис Иванович Фонвизин

Комедии Дениса Фонвизина уже двести лет восхищают зрителя и не сходят со сцены. Давно уже канули в Лету и позабыты трагедии и комедии его славных современников, многие из которых при жизни именовались «русскими Расинами» или «русскими Вольтерами». Ныне же их читают только ученые-филологи или студенты. А герои Фонвизина живут, волнуют, веселят или печалят наши думы.

Каким же непостижимым художественным тактом, каким же редкостным даром живого русского слова надо было обладать, чтобы написать нетленное, живя в далеком восемнадцатом столетии, на целые полвека раньше А. Пушкина, когда еще и современный литературный язык находился только в становлении?!

Однако такое поразительное долголетие объясняется не одним только замечательным изяществом речи великого национального комедиографа, но и глубиной мысли, остротой его вопрошаний о России, о нашем национальном характере.

Фонвизинские чувство и мысль, в какой бы форме они ни выражались, – в изящной художественной картине или в философическом раздумье, в полной смирения покаянной автобиографической записке или в пламенном публицистическом негодовании, – страдают, мучаются и бьются над одним: судьба и благоденствие любезного Отечества. Вот что их объединяет.

Фонвизин склонен к преувеличениям, он не умеет быть равнодушным, не может писать без волнения, потому что всегда думает о главном. Это русский человек на все времена.

Время топит в забвении все несущественное для жизни нации; но оно же только полнее и ярче раскрывает значение подобных писателей.

1

Фонвизины по мужской линии происходили из древнего немецкого рыцарского рода. В Ливонской войне, во времена Иоанна Грозного, его предок Петр вместе со своими сыновьями был пленен русскими войсками и, по-видимому, попросился потом на русскую службу. Они получили земли и начали верой и правдой служить своей новой родине. Один из предков драматурга (кстати, тоже носящий имя Денис!) показал себя мужественным и неподкупным патриотом во времена Смуты. В царствование Алексея Михайловича Фонвизины приняли православную веру (до этого были «в немецкой вере», то есть лютеране-протестанты), а к восемнадцатому столетию окончательно обрусели. Но фамилию писали по-старинному, по-

немецки – «фон-Визин», и еще сам Денис Иванович подписывал свое имя именно так. (В XIX веке такое написание некоторых уже будет коробить. Хорошо, например, известно, как Пушкин в письме отчитывал своего брата Льва. «Что ты из Фонвизина делаешь «нехриста», – ворчал великий поэт, – он – «из перерусских русской».)

История фонвизинского рода с несомненностью свидетельствует, как процветание России умножалось людьми разных вер и национальностей, которые в своей сыновней почтительности приумножали ее высокую славу.

Фонвизин родился 3 (14) апреля 1745 года в Москве, в той части древней столицы, которая традиционно носила название «Печатники». Здесь была дворцовая Печатная слобода, в которой жили мастера Печатного двора – первой московской типографии. А на углу Рождественского бульвара и Сретенки находилась известная еще с 1625 года церковь Успения Богородицы в Печатниках. В 1695 году церковь была перестроена, и храм стал каменным.

Именно сюда, судя по исповедальным книгам, и ходили жившие в двух шагах Фонвизины.

Дружная, благочестивая и трудовая семья Фонвизиных во многом жила еще «по старинным обыкновениям», которых, казалось, мало коснулись петровские нововведения и великосветские соблазны. Из семьи будущий писатель вынес твердые нравственные устои: здесь много значил моральный авторитет отца. Иван Андреевич не получил должного образования, но не потерял чести ни на военной, ни на гражданской службе. Драматург с нескрываемой гордостью будет вспоминать, как отец отвергал различные подношения и строго выговаривал дарителям, пытавшимся склонить его к решению дел в их пользу. Наверное, и в середине XVIII века это уже становилось исключением из правил, а тем более в царствование императрицы Екатерины II, которая, по существу, закрывала глаза на взятки и, когда ей указывали на очередного крупного взяточника, здраво, но не без цинизма говаривала: «Этот уже наворовался и успокоился, а назначь другого – тот будет рвать еще больше».

Особенное значение в быту семьи занимали молитвенные бдения. Денис, старший из мальчиков (всего детей было восемь), читал вслух Псалтирь и другие церковные книги. Впоследствии это много даст ему как писателю, и он даже будет утверждать, что без знания церковнославянского языка невозможно хорошо знать русский. Добавим, что в это именно время М. В. Ломоносов опубликовал свое знаменитое рассуждение «О пользе книг церковных» (1757), как бы призывая русских писателей и впредь не уходить от глубины, лаконизма и возвышенной торжественности церковнославянской речи.

Как часто бывает с честными людьми, Иван Андреевич не был слишком богат и не имел возможности нанять своим детям домашних учителей. Однако с открытием Московского университета (1755) он тут же записывает своих старших сыновей – Дениса (ему было десять) и Павла – в училище при нем.

В «Чистосердечном признании» писатель вспоминает время своего учения. Он не удерживается от живых и забавных картин, рисуя, например, экзамен по латыни или географии. По-видимому, драматург нередко тешил слушателей веселыми устными рассказами: отточенность в слове этих сценок замечательна.

Конечно, как истинный художник, Фонвизин увлекается и несколько преувеличивает. Впрочем, он тут же оговаривается, что учение в университете ему все-таки многое дало. Он вышел оттуда, основательно владея главными европейскими языками и уже 16–17-летним юношей много переводит с немецкого и французского. Именно ему поручит университетский профессор И. Г. Рейхель (немец по национальности) перевести свое торжественное слово, сказанное на коронационных торжествах в присутствии императрицы Екатерины II. С этим ответственным заданием Денис справится с блеском, и в 1762 году перевод будет напечатан.

В университете царил культ словесных наук, и именно здесь будущий комедиограф научился писать замечательно ясным и чистым слогом. Отметим, что не последним делом была и привычка усердно трудиться.

2

Свою литературную деятельность Фонвизин начинает с переводов. То был обычный путь русского писателя восемнадцатого столетия.

Вся вторая половина XVIII века проходит у нас в неустанной переводческой работе. Широкие издательские акции, среди инициаторов которых прославился известный просветитель Николай Новиков, приобщали русского читателя к замечательным достижениям мировой словесности.

Всего за несколько десятилетий на русский язык было переведено множество литературных произведений, а также книги по философии, истории, этике, эстетике, сочинений религиозно-нравственного содержания. Причем охват был просто фантастическим – от античности до современных западноевропейских литератур XVII – XVIII веков. Пытливый познавательный интерес привел даже к великим литературам Древнего Востока – арабской (дважды будет переведен Коран!), индийской, китайской. На литературное качество в переводческой практике обращалось исключительное внимание: надо было не просто точно передать текст и донести смысл, но и выразить все с изяществом, дающим почувствовать совершенство оригинала.

Чтобы добиться этого, Н. Новиков нередко заказывал перевод одного сочинения сразу двум или нескольким переводчикам, хорошо оплачивал труд каждого, но для публикации выбирал только безусловно лучший.

Нет ни одного русского писателя того времени, не прошедшего через эту школу. Перевод не только приучал к неукоснительной систематичности литературного труда, но и помогал становлению писательской индивидуальности.

Переводчик на практике осваивал художественные приемы и искусство композиции, темы и мотивы талантливых писателей разных стран и эпох. Литературное мастерство в такой школе совершенствовалось стремительно.

Первым литературным трудом, принесшим Фонвизину известность, стал перевод книги «Нравоучительных басен» выдающегося деятеля скандинавского Просвещения Людвиг Хольберга (1684–1754). Хольберг написал свои сатирические басни прозой и издал их в 1751 году, а уже через десять лет они дошествовали до России. Фонвизин не знал датского и пользовался немецким переводом. В литературной практике восемнадцатого столетия такое случалось часто: многие сочинения проходили двойной перевод. С редкого и не всеми известного языка – например, английского или датского – произведение переводилось сначала на язык общеевропейского литературного общения – французский или немецкий и таким образом становилось доступным и русским переводчикам. Но точность переводов была исключительна, и, даже пройдя такой непростой путь, произведение практически ничего не теряло.

Моралистические сентенции датского писателя под пером Фонвизина нередко становились живыми сценками, где под видом привычных для басни животных осмеивались повадки двора и чванство вельмож. Особенно удались переводчику остроумные и изящные диалоги.

Фонвизин будет обращаться к переводам всю жизнь, но переведет в целом не столь уж много. Он будет подходить к ним весьма избирательно, как правило останавливая свой выбор только на иноязычных сочинениях, созвучных строю его мыслей и позволяющих выразить задушевные настроения, насытив их живописной размашистостью и писательской мощью. То не было поденной или рутинной работой, и не случайно поэтому главные свои переводы Фонвизин без раздумий включает в собрание собственных сочинений: столь важными они ему представлялись.

В XVIII веке искусство письменной речи и чистота слога немало помогали продвижению по служебной лестнице. Уже первые переводы Фонвизина были замечены, и его сразу же после университета принимают переводчиком в Иностранную коллегию. Для поступления туда Денис при своем прошении приложил пробные переводы с трех языков – французского, немецкого и латинского. (Коллегия иностранных дел – едва ли не обычное место служебной деятельности многих знаменитых наших писателей: и Грибоедов, и Пушкин, и Кюхельбекер начинали там свою службу.) С тех пор и в продолжение всей своей службы Фонвизин будет общаться с самыми влиятельными лицами государства; отныне он посвящен в тайны внешней политики России, о которых ему строжайше заповедано делиться даже с близкими.

Всего лишь через год Фонвизина берет к себе в качестве статс-секретаря в канцелярию И. П. Елагин. Иван Перфильевич Елагин – колоритнейшая фигура XVIII века. Сподвижник А. П. Сумарокова, создатель широко известных стихотворных и театральных сочинений, в том числе первого у нас литературного памфлета «Автор», а также нашумевшей сатиры «На пети-метра», которая открывает ход одной из самых жестоких полемик в новой русской словесности (А. Сумароков – М. Ломоносов – В. Третьяковский). Елагин тяготел к философическим рассуждениям, написанным довольно туманным и напыщенным слогом. Но он любил и ценил и фольклор и одним из первых принялся за обдумывание эстетического опыта народной поэзии и национальной мифологии. В салоне Елагина нередко звучали и русские народные песни, которые прекрасно исполняла его младшая дочь. Фонвизин надолго запомнит ее задушевное исполнение песни «Из-за лесу, лесу темного...».

Фонвизин прослужит у Елагина около шести лет. До поры до времени увлечение литературой и театром объединяло их, но когда комедия «Бригадир» принесла Фонвизину широкую и шумную славу в придворных кругах, в патроне зашевелилась ревность. Недоброжелатели Фонвизина эту ревность искусно подогревали. Особенно много огорчений Фонвизину принес В. И. Лукин. До конца жизни Фонвизин будет помнить обиды и неприятности, возникшие по наветам Лукина. Это необычно для Фонвизина: он был вспыльчивым человеком, но умел скоро прощать. Нам сейчас многое непонятно в отношениях замечательных русских писателей XVIII века, в их жестоких спорах и ссорах. Мы смотрим на них с неизменным уважением и не решаемся принять ту или иную сторону. Мы склонны уважительно отметить вклад каждого, кто содействовал развитию русского просвещения и отечественной словесности. Владимир Игнатьевич Лукин – даровитый и по-своему интересный драматург, много сил отдавший переработкам на русский лад французских пьес (принцип «склонения» на русские нравы), пытавшийся вывести репертуар русского театра на национальные темы.

Может быть, Фонвизин и сам был безгрешен. Его острый язык, умение зорко подмечать слабые и смешные черты в характере и поведении других людей нередко задевали за живое. Часто Фонвизин обижал без злого умысла, не думая обижать, но тем легко наживал себе врагов. Его отточенные реплики запоминались и мгновенно разносились по столице. Попасть «на зубок» такому остроумцу мало кому хотелось. (В конце жизни Фонвизин будет раскаиваться в этом.)

3

В 1769 году Фонвизин пишет свою первую оригинальную комедию «Бригадир». Озорная и веселая, комедия стала известна гораздо ранее театральной премьеры (1780): автор неподражаемо читал ее «в лицах», искусно перемежая голос и интонации, и его наперебой приглашали в самые знатные дома столицы. Сама императрица соблаговолила выслушать даровитого автора. Здесь его талантом восхитился граф Н. И. Панин, министр иностранных дел и воспитатель наследника престола цесаревича Павла. Фонвизин в одночасье становится петербургской знаменитостью, и именно после этих чтений резко меняется его судьба: начинается испытание

известностью и славой. Да вдобавок и граф Панин переманивает его в свою канцелярию, и отныне драматург – его ближайший и незаменимый сотрудник и сподвижник. Несмотря на значительную разницу в возрасте (27 лет), отношения с Никитой Паниным, замечательным государственным деятелем России XVIII века, у Фонвизина самые доверительные и прочные. Их многое роднило в понимании состояния России, в оценке правления Екатерины.

Действие пьесы перенесено в деревню, но Фонвизин никогда не жил в деревне. Он описывает, конечно, «московским говором московские нравы». (В письмах в Москву Фонвизин просит свою литературно одаренную старшую сестру записывать для него примечательные слова и обороты «московской речи», а также занятные житейские случаи.) Любопытно, что XIX век этой подмены не заметит. Во многом потому, что разница не была столь уж велика, а в XIX веке она и вовсе сгладится, и то, что считалось московским, «сядет», опустится на самое дно российской провинциальной жизни.

В центре пьесы герой (точнее, антигерой) со сказочным именем Иванушка. Но если в наших сказках такой персонаж наделен здравым смыслом или «иной правдой», недоступной выгоде и чистогану, то в пьесе Иванушка слепо подражает всему французскому.

Родители Иванушки не привили ему прочных корней: он – как тростник, колеблемый на ветру. Такие «иванушки» – не редкость на всем протяжении русской истории, а XVIII и XIX века ими особенно богаты. В разное время они склоняются к разным нравам – то голландско-немецким, то французским, то американским и т. д. У них нет укорененности в русской почве.

Казалось бы, странно: отец Иванушки – бригадир. Пусть звание бригадира давалось по выходе в отставку и реально он дослужился до полковника. Но все-таки он прошел по всем ступеням этой тяжелой лестницы – солдатской и офицерской службы. Служил в армии, которая вела наступательные и победоносные войны и с Турцией, и со Швецией, и с Пруссией; в армии, которая триумфально вошла в Берлин и которую своим полководческим искусством прославляли и Петр Великий, и Миних, и Румянцев, и Суворов. В русской армии того времени возобладало творческое начало, бережное и уважительное отношение к солдату. Но ни одной кампании, ни одного сражения, ни одного высокого поучительного примера этот служака не вспомнит. А ведь мог бы: о взаимовыручке, солдатском братстве, самопожертвовании, о чем-то высоком; даже о тяготах, которые приходилось преодолевать в походах, о любви к Отечеству. Но речь его не выходит за пределы карьерных хлопот и переживаний. И кажется, что всю жизнь свою он провел в далеком тыловом гарнизоне и мерил службу годами и неделями на пути к очередному званию. Это, в сущности, и не армия даже – та, русская, победоносная, не защитница Отечества, а нечто чиновно-служилое и бескрыло-рутинное.

Конечно, подходить к комедии с мерками психологических соответствий – это, может быть, строгость излишняя. Но мы имеем дело не с рядовым произведением совсем не рядового писателя. За ним пойдет отчетливая традиция: фонвизинский бригадир откроет целую галерею военных «антигероев» – высших армейских офицеров. Следующим будет полковник (без пяти минут генерал) – Скалозуб, который может говорить о чем угодно, но ни словечком не вспомнит о величайшем народном подвиге в войне 1812 года.

Матушка Иванушки тоже не просвещена светом истинного христианского учения, и те азы деликатности, душевного такта, которые непереставая живут и бытуют в самом простом народе, ей не знакомы: она ими бедно одарена. Она послушна, предана своему солдафону мужу, по-своему любит сына, неумно, но все-таки... И только. Этому образу не сообщено человеческого тепла и света. Сейчас образ Бригадирши (замечательно смело и художественно схваченный) уже не вызывает такого оглушительного хохота, как прежде.

Фонвизину трудно даются положительные образы. И Софья, и Добролюбов («Бригадир») разговаривают чересчур правильно, и хотя их реплики можно броско произнести со сцены, они

все-таки лишены той сочности, живописности, изумительной сжатости живой русской речи, которыми так богаты отрицательные персонажи пьесы.

Примечательно, однако, что «добродетельные герои» (хотя они и не выходят у Фонвизина убедительными) появляются и в следующей его пьесе – «Недоросль». Причем поручает им значительно более ответственные партии. Это говорит о стремлении Фонвизина запечатлеть разные стороны жизни – и зло, и добродетельные ее начала.

Как известно, новая русская словесность началась с резкого противопоставления двух начал: сатирического – в искусстве Антиоха Кантемира и одического, торжественного – в поэзии М. Ломоносова. Казалось, эти начала мало учитывали друг друга и существовали независимо. Но уже ко времени Фонвизина нарастает тяга к их совмещению, срастанию. Так дает о себе знать стремление русских литераторов запечатлеть жизнь во всей ее сложности, во всем ее богатстве (что впоследствии мы сможем наблюдать в творчестве А. Пушкина).

4

Время от времени возникают попытки истолковать творчество Фонвизина, равно как и других, близких ему просветителей, как старательных деятелей екатерининского Просвещения, рожденных и выпестованных просветительскими акциями императрицы. Фонвизин, по мнению некоторых исследователей, имеет гораздо более сходства со взглядами и литературной политикой Екатерины, оппозиционность же его преувеличена. Это не совсем так.

Конец XVIII века – время «крупных» людей. Крупных и в своих достоинствах, и в своих недостатках. Ныне мы уже спокойнее думаем и о Григории Потемкине, и о самой императрице Екатерине II.

Екатерина II, безусловно, сыграла большую роль в развитии русского Просвещения, ее портрет сложен и противоречив, его нельзя рисовать одной краской. Екатерина разрешает издания журналов и сама активно участвует во «Всякой всячине» (пусть во многом и перепи-санной с английских нравоучительных журналов начала XVIII века). Императрица не слишком разбирается в живописи, но именно она положит основание уникальному собранию живописи Эрмитажа. Она не очень любит музыку, но русская музыка во время правления Екатерины II достигает значительных высот (Дмитрий Бортнянский, Максим Березовский и др.). Да и приглашенные итальянцы, работающие в Петербурге, – не заштатные ремесленники, а композиторы с европейским именем – Сарти, Арайя, Паизиелло.

Ревнуя ко славе «сочинительницы», Екатерина любила «письменную работу» и много писала и сама. Она автор нескольких комедий «из русских нравов» или в «подражание Шакеспиру»; для своего любимого внука Александра (будущего императора Александра I), которого она отобрала у отца и воспитывала по собственным рекомендациям, императрица сочиняла литературные сказки. Из-под пера Екатерины вышли и исторические, и политические, и юридические сочинения. Такой уж был век: королей заботили лавры «писателей» или «философов» (Фридрих II Прусский тоже отмечен в сочинительстве стихов), а поэты и писатели давали уроки царям, учили их править.

Но, с другой стороны, именно Екатерина много сделала для того, чтобы разрыв между тронном и наиболее просвещенной, честной и патриотической частью общества, – разрыв, приведший к столь роковым последствиям в следующем веке, – стал необратимым.

В комедии «Недоросль» главному положительному герою, Стародуму, Фонвизин отводит 450 строк. Даже госпожа Простакова получает в пьесе всего 370 строк. Это объясняется не только речистостью героя, его склонностью к проповедованию и неспешным, но и неостановимым потокам сентенций, выраженных закругленными фразами.

«Говорящее» имя этого героя для драматурга весьма значимо и дано ему не случайно. (Несколько позже, задумывая собственный литературный журнал, Фонвизин выберет для него название «Друг честных людей, или Стародум».)

Образ Стародума для Фонвизина исключительно важен: устами этого «резонера» (а именно так назывался персонаж, которому автор поручал высказывать наиболее ответственные мысли в пьесе) писатель, несомненно, проговаривает свои самые задушевные мысли.

«Стародумство» не было оформлено как идеологическое течение. «Стародумы» – а к ним вполне можно отнести и выдающегося публициста князя М. М. Щербатова, и замечательного историографа И. Н. Болтина, и самого Д. И. Фонвизина – это не дремучие ретрограды и обскуранты, это европейски образованные люди, которые, однако, считали, что нововведения и реформы не должны нарушать основ национальной жизни. «Стародумы» пересматривают отношение к Петру I, их сердцу мила Древняя Русь, ее религиозные, идейные, этические и эстетические достижения. Не случайно поэтому, что критика существующих порядков в России приобретает у «стародумов» подчеркнuto нравственный характер.

Повышенным вниманием русских идеологов отмечено дворянское сословие, нравственный и гражданский облик дворянина. В их нормативном учении об идеальном монархе особое значение придается «благодетелю» государя – «Отца нации». Составной частью учения об идеальном монархе стало учение об идеальном дворянине («отце» вверенных ему Судьбою крестьян). Нравственное же разложение дворянского сословия, считают «стародумы», грозит падением государства. «Что может быть презреннее дворянина, презревшего свои обязанности перед нацией и Отечеством?» – вопрошают русские писатели. Отсюда – их неизменное и напряженное обдумывание вопросов воспитания дворянина, проблем дворянской семьи.

Восемнадцатый век и нововведения Петра заметным образом сказались на русской семье.

Во-первых, падает нравственная роль главы семьи – отца и мужа: нередко он превращается просто в добытчика денег, стремится блистать и славиться. Но блистать можно было, имея много средств, а на честную копейку ассамблеи и балы не устроишь! Глава семьи становится «гибким», начинает терять нравственную стойкость: он должен потакать, лицемерить, кривить душой, брать взятки... Князь М. М. Щербатов не так уж не прав, говоря в своем знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России», что культ роскоши неодолимо тянул за собой перемены и в психологии, перемены в нравах. Или надо жить честно и не иметь возможности учить своих детей, нанять им стоящего домашнего учителя; или лукавить, льстить царедворцу, самой государыне, чтобы получить выгодное место.

Национальный идеал русской семьи затрещал по швам. В течение целых столетий великороссы жили, руководствуясь заветами предков, библейскими поучениями и назиданиями «Домостроя». Это сочинение настоятеля Благовещенского собора в Кремле Сильвестра (середина XVI в.), конечно, регламент, установление. Однако автор имел в виду реальные русские семьи, жившие в трудах – чинно, размеренно, но и счастливо. И, без сомнения, такие семьи он наблюдал воочию.

В XVIII веке этот идеал начинает давать сбои – на место несколько однообразной, но степенной и трудовой жизни пришло шумное светское веселье. Соревнуясь в блеске и пышности двора, московские и петербургские помещики старались и у себя устроить «двор в миниатюре». Что-то нарушалось, что-то ломалось в самой сердцевине русской дворянской семьи (эти перемены еще не заденут, не коснутся купеческой и крестьянской семьи).

В русской семье восемнадцатого столетия женщина начинает выступать в необычной роли: она становится полновластной хозяйкой, властительницей, нередко с деспотическими замашками. Уже появляются семьи, где жена унижает мужа, «стирает его в порошок» (именно такую семью Фонвизин и живописует в «Недоросле»). Для нее уже нет Божьей кары, и поучения апостола «жене глава – муж» (1 Кор. II, 3) забыты ею напрочь.

Если раньше в истинной патриархальности нравов женщина прежде всего понималась как «душа семьи» – хранительница очага и мать, то Петр вздумал вызволить русскую женщину из полумрака женской половины дома. Но блеск ассамблеи непросто было совместить с чинным распорядком русской трудовой семьи. Самый облик русской женщины начинает обретать черты, дотоле ей несвойственные. Раньше подразумевалось, что на каждой женщине-матери непереставая должен был сиять отсвет, «лучик» Богородицы. Но разве мыслимо углядеть его в госпоже Простаковой?!

Напомним, что «Недоросль» обдумывался и сочинялся драматургом в пору его «жениховства» – страстного любовного увлечения и строительства собственной семьи, потому-то и мысли его на сей счет самые волнующие и острые. В комедии есть и иной, высокий женский образ – идеал девичества, добродетельный и лучезарный образ Софьи (снова – говорящее имя и в национальной традиции особенное: София – мать Веры, Надежды и Любви). Но и в этом высоком образе не слышна ли нам скорее некоторая печаль по утерянному, по тому, что прежде всегда было, чем мечтание о будущем?..

Образы и мысли Д. Фонвизина имеют множество планов, и далеко не все они нами прояснены и додуманы до конца.

5

Фонвизин – писатель разноплановый и глубокий. Как и большинство русских авторов XVIII века, он сочинял в самых разных жанрах. Однако во мнении своего века Фонвизин – преимущественно обличитель с ярким сатирическим дарованием.

Тем интереснее взглянуть в его поздние творения. В них Фонвизин, так много сил отдавший плодотворной идее «национальной самокритики», обращается к темам, которые отныне ему представляются самыми важными для русского сознания. Одной из таких тем является тема достоинства человека и самоуважения нации.

В 1785 году Фонвизин переводит «Рассуждение о национальном любочестии» И. Г. Циммермана. Этот швейцарский писатель был весьма популярен и у нас, и в Европе в конце XVIII века. Своей известностью в России он обязан вниманием Екатерины II. В 1782 году скоропостижно умирает довольно еще молодой фаворит императрицы Ланской; Екатерина тяжело переживает эту внезапную смерть. И тут кто-то услужливо кладет ей на стол сочинение Циммермана «О уединении», в котором швейцарский моралист описывал свой выход из душевного кризиса после потери близких.

На императрицу сочинение подействовало благотворно: к ней вернулось душевное равновесие. Она завязывает переписку с Циммерманом, жившим в Ганновере.

Монаршее внимание понудило и русских переводчиков обратиться к творчеству популярного писателя. Сначала, естественно, перевели трактат «О уединении», затем дошел черед и до других сочинений.

Особенно счастливая судьба в 1780-е годы в России (да и в Европе тоже) была у сочинения Циммермана «Рассуждение о национальной гордости». На протяжении восьми лет оно было переведено на русский язык трижды.

Первым к переводу этого сочинения обращается именно Д. Фонвизин. Правда, он перевел только одну главу, заключительную, но зато и самую большую, и как бы подводящую итог всему трактату.

Фонвизин отказывается от словосочетания «национальная гордость» и вспоминает старинное, удержавшееся в церковной практике слово «любочестие». В этом предпочтении Фонвизина сказывается не только читатель православных аскетических поучений, где на слове «гордость» лежал едва ли смыаемый отрицательный тон, но и вдумчивый писатель: термин

«любочестие» (любовь к чести, почитание) позволял более достойно представить одну из главных, по Фонвизину, гражданских добродетелей – любовь к Отечеству.

Фонвизин не уходит от текста Циммермана и, казалось бы, вышивает словесный узор по наметанной канве, но он вкладывает в перевод всю свою писательскую мощь и насыщает его таким огненным красноречием, что от философического спокойствия и велеречивости оригинала не остается и следа. Это достигается и словарем, который у Фонвизина намеренно «остаринен» и приподнят, и строением фразы.

Это – пережитое. Заветная дума, выношенная в сердце; ей сообщен тон мужественного благородства и сдержанной печали, и кажется, что слово Фонвизина напрямую обращено к потомкам, великороссам будущих поколений.

Писатель рассуждает об облике истинного гражданина и патриота. Он говорит о самом насущном – о любви к своему Отечеству, к национальной истории, к памяти и заветам предков. Но первые его слова – об уважении человека к самому себе, к собственному человеческому достоинству. Без веры в себя и свое назначение не достичь ничего высокого. Такая вера вовсе не противоречит христианскому смирению и вере в Бога, но, напротив, дополняет ее, помогая раскрыть нам дарованные Провидением способности.

Фонвизин не обойдет вниманием и мнимых патриотов, которые куда как горячи на словах, но в трудные для Отечества времена умеют отсидеться в странах, «где жизнь счастливее».

В любви к высокому, заключает Фонвизин, надо воспитывать «со дней младенчества», чтобы юные сердца проникались ревнованием о славе и старались своими достоинствами сравняться со славою предков или превзойти ее. Тогда уже никакой «яд чужих нравов» не растлит сердца.

6

Фонвизин с необыкновенным достоинством пронес по жизни звание русского писателя.

У Гоголя в повести «Ночь перед Рождеством» влюбленный кузнец Вакула, оседлав беса, перелетает в Северную Пальмиру и оказывается во дворце князя Потемкина. Там, в свите императрицы, видит он «стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом...». Со слов государыни ясно, что это – создатель «Бригадира».

Фонвизин не был столь приближен, чтобы непременно находиться в царицыной свите. Но Гоголь не ошибся, подчеркнув прямоту его осанки. Это достоинство писателям XVIII века нужно было еще завоевать! Вспомним, как раболепствовали и гибли и церковные, и светские писатели перед венценосцами. Вспомним, например, сколь унижен был Тредиаковский, обращенный едва ли не в придворного шута императрицы Анны Иоанновны. (Иван Лажечников расскажет об этом потом в историческом романе «Ледяной дом».) Даже Антиох Кантемир – князь! – вынужден был вести себя подобострастно и, живя во Франции, за казенные деньги покупать бумаги на герцогское звание всесильному временщику и угнетателю родины Бирону.

Чтобы выпрямиться, русскому писателю восемнадцатого столетия понадобилась дерзость. И ее в избытке хватило у Михайлы Ломоносова. Можно по-разному относиться к его резкостям и спорам, но в лице Ломоносова русская литература бросила вызов и впервые распрямилась во весь рост.

Фонвизин – из следующих «прямостойких» русской литературы. Уже без вызова и эскапада. (Далее будет Карамзин, который, кстати, никогда более не подпишет «Вашего Величества... нижайший раб», но только – «верноподданный».)

Когда пятнадцатилетний Денис Фонвизин вместе с другими лучшими учениками будет представлен в Петербурге вельможному куратору Московского университета графу Ивану Шувалову, он увидит там и Ломоносова. Их разговор длился не более нескольких минут; но

такие несколько минут стоят дорого. Фонвизин запомнит их на всю жизнь, и всю жизнь он будет соотносить свою человеческую и писательскую осанку с горделивым обликом Ломоносова.

Фонвизин прошел по жизни внутренне цельным и самодостаточным. Он не лукавил и не выгораживал себя перед Богом («Чистосердечное признание»), но в его исповеди нет униженности: «Это я, Господи!» Он и перед Богом стоит прямо.

Фонвизин, казалось бы, и близок ко двору, но роскошь и блеск двора не ослепят его, и он не станет придворным одописцем или слагателем торжественных панегириков. Он находится «между», чтобы остаться собой. Чтобы ни к кому не примкнуть и стоять прямо, надобно большое мужество. Конечно, «поздний» Фонвизин знал и непонимание, и одиночество, и вообще его мысли последних лет – это горькие мысли. Он пламенно любит свою Отчизну и видит, насколько разительно несхож ее парадный портрет с действительным ее ликом. Он одержим желанием выправить положение и помочь, но от него отмахиваются, как от докучливой мухи. Он предвидит неминуемые беды и всего более озабочен потерей русскими своего национального лица: они забыли свое родовое, отреклись от глубины предания и обезьянничают, заискивая перед законодателями парижской умственной моды.

В гневе Фонвизин выведет огнедышащие строки своего «Рассуждения о непременных государственных законах». Когда сорок лет спустя Никита Муравьев решит пустить рукописный список этого потаенного сочинения среди декабристов, ему надо будет только обновить несколько старинных слов да переставить запятые. Документ этот – словно рентгеновский снимок всегдашних бед России. Разгадка ее вечного заклęcia...

Но Фонвизин предвидит и очень дальние беды. У наших великих отменно чуткий слух: как былинные герои в стародавних баталиях, они прикладывают ухо к родимой земле и слышат ее будущие плачи.

Фонвизин (как и Никита Панин) решительно против разделов Польши. Он всего только месяц не доживет до второго раздела и понимает, что ни Екатерина II, ни Иосиф (Австро-Венгрия), ни Фридрих-Вильгельм II (Пруссия) теперь не остановятся, пока не разорвут Польшу окончательно.

Фонвизину-писателю давно уже выпала трудная судьба: его сочинения «проходят» на уроках в школе. Даже даровитому учителю, педагогу с искрой Божией, непросто подвести юных читателей к тому, чтобы те смогли во всей глубине и свежести оценить фонвизинские комедии и иные его творения.

Но – подумать только! – сколько же поколений русских школьников читали эти «учебные пьесы» на уроках изящной словесности?! На сочинениях Фонвизина воспитывались, – и главное, учились думать и писать – и лицеист Александр Пушкин, и гимназист Николай Гоголь-Яновский, и Федор Достоевский, и Лев Толстой, и Михаил Пришвин... И снова Денис Иванович напутствует. Он – воспитатель наших вечных учителей! – учит чести, достоинству, любви к Отечеству. И может статься, что и вы услышите горячее, пламенное слово старого писателя...

Радостной встречи!

Э. Афанасьев

Бригадир

Комедия в пяти действиях

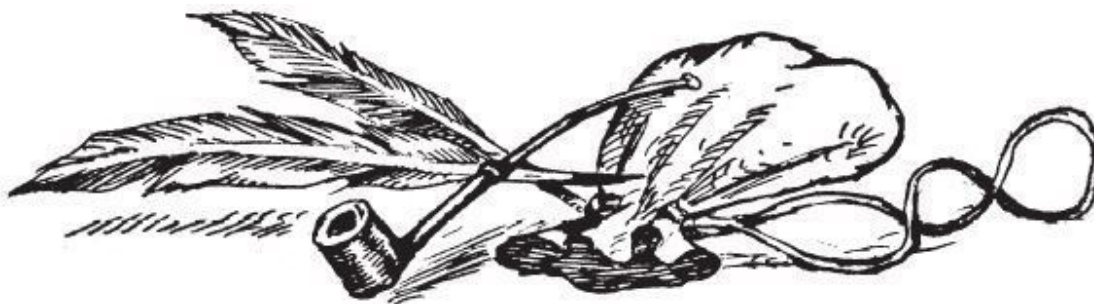
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бригадир¹.
Иванушка, сын его.
Бригадирша.
Советник².
Советница, жена его.
Софья, дочь советничья.
Добролюбов.
Слуга советничий.

¹ Бригадир – военное звание выше полковника и ниже генерала, существовавшее в русской армии XVIII века.

² Советник – звание чиновника (здесь: статский советник), а также название некоторых должностей в дореволюционной России (советник губернского правления).

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет комнату, убранную по-деревенски.

Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобеняся, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит Советница в дезабилье и корнете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одадь и чулок вяжет. Софья также сидит одадь и шьет в тамбуре.

Советник (*смотря в календарь*). Так ежели Бог благословит, то двадцать шестое число быть свадьбе.

Сын. Hélas!³

Бригадир. Очень изрядно, добрый сосед. Мы хотя друг друга и недавно узнали, однако это не помешало мне, проезжая из Петербурга домой, заехать к вам в деревню с женою и сыном. Такой советник, как ты, достоин быть другом от армии бригадиру, и я начал уже со всеми вами обходиться без чинов.

Советница. Для нас, сударь, фасоны не нужны. Мы сами в деревне обходимся со всеми без церемонии.

Бригадирша. Ах, мать моя! Да какая церемония меж нами, когда (*указывая на Советника*) хочет он выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, с Божиим благословением? А чтоб лучше на него, Гуоспода, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награждение. На что тут церемония?

Советница. Ах, сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, который был в Париже. Ах, радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был.

Сын (*вслушиваясь, приподнимает шишку колпака*). Madame!⁴ я благодарю вас за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотел бы иметь и сам такую жену, с которою бы я говорить не мог иным языком, кроме французского. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливее.

Бригадирша. О Иванушка! Бог милостив. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава богу, в военной службе не служил, и жена твоя не будет ни таскаться по походам без жалованья, ни отвечать дома за то, чем в строю мужа раздразили. Мой Игнатий Андреевич вымещал на мне вину каждого рядового.

Бригадир. Жена, не все ври, что знаешь.

³ Увы (Сын и Советница часто вставляют в свою речь французские слова и выражения. В сносках дается перевод их на русский язык).

⁴ Мадам – французское обращение к замужней женщине.

Советник. Полно, соседушка. Не грехи, ради бога. Не гневи Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имеешь? Она годится быть коллегии президентом. Вот как премудра Акулина Тимофеевна.

Бригадир. Премудра! Вот-на, соседушка! Ты, жалуя нас, так говорить изволишь, а мне кажется, будто премудрость ее очень на глупость походит. Иное дело твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, в глаза и за глаза, что ума у нее целая палата. Я мужчина и бригадир, однако ей-ей рад бы потерять все мои патенты на чины, которые купил я кровию моею, лишь бы только иметь разум ее высокородия.

Сын. Dieu!⁵ Сколько прекрасных комплиментов, батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умов, голова головы лучше.

Советник. А я могу и о тебе также сказать, дорогой зятюшка, что в тебе путь будет. Прилежи только к делам, читай больше.

Сын. К каким делам? Что читать?

Бригадир. Читать? Артикул и устав военный; не худо прочесть также инструкцию межевую молодому человеку.

Советник. Паче всего изволь читать уложение и указы. Кто их, будучи судьей, толковать умеет, тот, друг мой зятюшка, нищим быть не может.

Бригадирша. Не худо пробежать также и мои расходные тетрадки. Лучше плуты-люди тебя не обманут. Ты тамо не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой.

Советница. Боже тебя сохрани от того, чтоб голова твоя наполнена была иным чем, кроме любезных романов! Кинь, душа моя, все на свете науки. Не поверишь, как такие книги просвещают. Я, не читав их, рисковала бы остаться навеки дураю.

Сын. Madame, вы говорите правду. О! Vous avez raison⁶. Я сам, кроме романов, ничего не читывал, и для того-то я таков, как вы меня видите.

Софья (*в сторону*). Для того-то ты и дурак.

Сын. Mademoiselle⁷, что вы говорить изволите?

Советник. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю о чем-то, с ума сходит.

Софья. То, что я о вас думаю.

Сын. А что бы это было? Je vous pris⁸, не льстите мне.

Бригадир. О! это пройдет. У меня жена перед свадьбою недели полторы без ума шаталась; однако после того лет десятка с три в таком совершенном благоразумии здравствует, что никто того и приметить не может, чтоб она когда-нибудь была умнее.

Бригадирша. Дай бог тебе, батюшка, здоровье. Продли бог долгие твои веки; а я, с тобой живучи, ума не потеряла.

Советник. Всеконечно, и мне весьма приятно, что дочь моя иметь будет такую благоразумную свекровь.

Советница (*вздыхает*). Для чего моей падчерице и не быть вашею снохой? Мы все дворяне. Мы все равны.

Советник. Она правду говорит. Мы равны почти во всем. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской. Тебе еще до бригадирства рас-проломали голову, а я до советничества в Москве ослеп в коллегии. В утешение осталось только то, что меня благословил Бог достаточком, который нажил я в силу указов. Может быть, я имел бы свой

⁵ Боже!

⁶ Вы правы.

⁷ Мадемуазель – французское обращение к девушке.

⁸ Прошу вас.

кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетов⁹, манжет и прочих вздоров, не служащих ни к временному, ни к вечному блаженству.

Советница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать¹⁰. Я капабельна¹¹ с тобою развестись, ежели ты еще меня так шпетить¹² станешь.

Советник. Без власти Создателя и святейшего Синода¹³ развестись нам невозможно. Вот мое мнение. Бог сочетает, человек не разлучает.

Сын. Разве в России Бог в такие дела мешается? По крайней мере, государи мои, во Франции он оставил на людское произволение – любить, изменять, жениться и разводиться.

Советник. Да то во Франции, а не у нас, правоверных. Нет, дорогой зять, как мы, так и жены наши, все в руце Создателя. У него все власы главы наша изочтены суть.

Бригадирша. Ведь вот, Игнатий Андреевич, ты меня часто ругаешь, что я то и дело деньги да деньги считаю. Как же это? Сам Господь волоски наши считать изволит, а мы, рабы его, мы и деньги считать ленимся, – деньги, которые так редки, что целый парик изочтенных волосов насилу алтын за тридцать достать можно.

Бригадир. Враки. Я не верю, чтоб волосы были у всех считаны. Не диво, что наши сочтены. Я – бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их ему?

Бригадирша. Не грехи, мой батюшка, ради бога. У него генералитет, штаб- и обер-офицеры в одном ранге.

Бригадир. Ай, жена! Я тебе говорю, не вступайся. Или я скоро сделаю то, что и впрямь на твоей голове нечего считать будет. Как бы ты Бога-то узнала побольше, так бы ты такой пустоши и не болтала. Как можно подумать, что Богу, который все знает, неизвестен будто наш Табель о рангах?¹⁴ Стыдное дело.

Советница. Оставьте такие разговоры. Разве нельзя о другом дискурировать?¹⁵ Выбрали такую сурьезную материю, которую я не понимаю.

Бригадир. Я и сам, матушка, не говорю того, чтоб забавно было спорить о такой материи, которая не принадлежит ни до экзерциции, ни до баталий¹⁶, и ничего такого, что бы...

Советник. Что бы по крайней мере хотя служило к должности судьи, истца или ответчика. Я сам, правду сказать, неохотно говорю о том, о чем, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложение.

Бригадирша. Мне самой скучны те речи, от которых нет никакого барыша. (*К Советнице.*) Переменим, свет мой, речь. Пожалуй, скажи мне, что у вас идет людям, застольное или деньгами?¹⁷ Свой ли овес едят лошади или купленный?

Сын. *C'ets plus intéressant*¹⁸.

Советница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина?

Советник (*к жене*). Не стыди меня! Матушка Акулина Тимофеевна, люди наши едят застольное. Не прогневайся на жену мою. Ей до того дела нет: хлеб и овес я сам выдаю.

⁹ Чепцов.

¹⁰ Скупиться, скряжничать.

¹¹ Способна.

¹² Укорять.

¹³ Синод – высший орган церковного управления в России до 1917 года.

¹⁴ Табель о рангах – установленный Петром I порядок военных и гражданских званий, насчитывавший четырнадцать классов. Бригадир и советник – звания пятого класса.

¹⁵ Разговаривать.

¹⁶ Военские упражнения, битвы.

¹⁷ То есть держит ли помещик для своих дворовых людей общий стол или выдает им деньги на питание.

¹⁸ Это более интересно.

Бригадирша. Так-то у меня мой Игнатий Андреич: ему ни до чего дела нет. Я одна хожу в анбары.

Советник (*в сторону*). Сокровище, а не женщина! Какие у нее медоточивые уста! Послушать ее только, так раб греха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадир. Что ты это говоришь, сват? (*В сторону.*) Здешняя хозяйка не моей бабе чета.

Советник. Хвалю разумное попечение твоей супруги о домашней экономии.

Бригадир. Благодарен я за ее экономию. Она для нее больше думает о домашнем скоте, нежели обо мне.

Бригадирша. Да как же, мой батюшка? Ведь скот сам о себе думать не может. Так не надобно ли мне о нем подумать? Ты, кажется, и поумнее его, а хочешь, чтобы я за тобою при-сматривала.

Бригадир. Слушай, жена, мне все равно, сдуру ли ты врешь или из ума, только я тебе при всей честной компании сказываю, чтобы ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будет худо!

Сын. Mon père!¹⁹ Не горячитесь.

Бригадир. Что, не горячитесь?

Сын. Mon père, я говорю, не горячитесь.

Бригадир. Да первого-то слова, черт те знает, я не разумею.

Сын. Ха-ха-ха-ха, теперь я стал виноват в том, что вы по-французски не знаете!

Бригадир. Эх он горло-то распустил. Да ты, смысла по-русски, для чего мелешь то, чего здесь не разумеют?

Советница. Полно, сударь. Разве ваш сын должен говорить с вами только тем языком, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка, Игнатий Андреевич, пусть Иванушка говорит как хочет. По мне, все равно. Иное говорит он, кажется, по-русски, а я, как умереть, ни слова не разумею. Что и говорить, ученье свет, неученье тьма.

Советник. Конечно, матушка! Кому Бог открыл грамоту, так над тем и сияет благодать Его. Ныне, слава богу, не прежни времена. Сколько грамотей у нас развелось; и то-то, ведь кому Господь откроет. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, так те знавали грамматику; и ныне никто ее не знает, а все пишут. Сколько у нас исправных секретарей, которые экстракты сочиняют без грамматики, любо-дорого смотреть! У меня на примете есть один, который что когда напишет, так иной ученый и с грамматикою вовеки того разуместь не может.

Бригадир. На что, сват, грамматика? Я без нее дожил почти до шестидесяти лет, да и детей взвел. Вот уже Иванушке гораздо за двадцать, а он – в добрый час молвить, в худой помолчать – и не слыхивал о грамматике.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, так ведь ее купить еще надобно. Заплатишь за нее гривен восемь, а выучишь ли, нет ли – Бог знает.

Советница. Черт меня возьми, ежели грамматика к чему-нибудь нужна, а особливо в деревне. В городе по крайней мере изорвала я одну на папильоты²⁰.

Сын. J'en suis d'accord²¹, на что грамматика! Я сам писывал тысячу бильеду²², и мне кажется, что свет мой, душа моя, adieu, ma geine²³, можно сказать, не заглядывая в грамматику.

¹⁹ Отец!

²⁰ Бумажки для завивки волос.

²¹ Я с вами согласен.

²² Любовных записок.

²³ Прощайте, моя королева.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Слуга

Слуга. Господин Добролюбов приехать изволил.

Софья (*в сторону*). Боже мой! Он приехал, а я невеста другому.

Советник. Пойдем же навстречу сына друга моего и погуляем с ним по саду.

Бригадир (*к Советнице*). Не изволите ли и вы проходиться?

Советница. Нет, сударь, я останусь здесь. Мне сын ваш сделает компанию.

Сын. De tout mon cœur²⁴, я с вами наедине быть рад.

Советник (*к Бригадирше*). Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Бригадирша. Изволь, изволь, мой батюшка.

Советница (*Софье*). А ты по крайней мере сделай компанию своей свекрови.

ЯВЛЕНИЕ III

Советница, Сын

Сын (*садится очень близко Советницы*). Мне кажется, сударыня, что ваш сожитель не больше свету знает, сколько для отставного советника надобно.

Советница. Вы правду сказали: он ни с кем в жизнь свою не обходился, как с секретарями и подьячими.

Сын. Он, я вижу, походит на моего батюшку, который во свой век разумных людей бегал.

Советница. Ах, радость моя! Мне мило твое чистосердечие. Ты не щадишь отца своего! Вот прямая добродетель нашего века.

Сын. Черт меня возьми, ежели я помышляю его менажировать²⁵.

Советница. В самом деле, жизнь моя, мне кажется, он не умнее моего мужа, которого глупее на свете и бывают, однако очень редко.

Сын. Ваш резонеман²⁶ справедлив. Скажите ж, сударыня, что вы думаете о моей матери?

Советница. Как, радость! В глаза мне это тебе сказать совестно.

Сын. Пожалуй, говори, что изволишь. Я индиферан²⁷ во всем том, что надлежит до моего отца и матери.

Советница. Не правда ли, что она свет знает столько же, сколько ваш батюшка?

Сын. Dieu! Какой вы знаток в людях! Вы, можно сказать, людей насквозь пронизаете. Я вижу, что надобно об этом говорить без всякой диссимуляции²⁸. (*Вздыхнув.*) Итак, вы знаете, что я пренесчастливый человек. Живу уже двадцать пять лет и имею еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и с добрыми отцами, а я, черт меня возьми, я живу с животными.

Советница. Я сама стражду, душа моя, от моего уroda. Муж мой – прямая приказная строка. Я живу несколько лет с ним здесь в деревне и клянусь тебе, что все способы к отмщению до сего времени у меня отняты были. Все соседи наши такие неучи, такие скоты, которые сидят по домам, обнявшись с женами. А жены их – ха-ха-ха-ха! – жены их не знают еще и до сих пор, чтоу это – дезабилье²⁹, и думают, что будто можно прожить на сем свете в полшлафроке. Они, душа моя, ни о чем больше не думают, как о столовых припасах; прямые свиньи...

²⁴ От всего сердца.

²⁵ Щадить.

²⁶ Рассуждение.

²⁷ Равнодушен, безразличен.

²⁸ Притворства.

²⁹ Модное утреннее платье, предмет особой заботы щеголих XVIII века. Полшлафрок – обычный халат, в котором счита-

Сын. *Pardieu!*³⁰ Поэтому мать моя годится в число ваших соседок; а давно ли вы живете с такою тварью?

Советница. Муж мой пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве. Он увидел, что ему в коллегии делать стало нечего, и для того повез меня мучить в деревню.

Сын. Которую, конечно, нажил до указа.

Советница. При всем том он скуп и тверд, как кремь.

Сын. Или как моя матушка. Я без лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпеть горячку с пятнами.

Советница. Мой урод при всем том ужасная ханжа: не пропускает ни обедни, ни заутрени и думает, радость моя, что будто Бог столько комплезан³¹, что он за всюнощную простит ему то, что днем наворовано.

Сын. Напротив того, мой отец, кроме зари, никогда не маливался. Он, сказывают, до женитьбы не верил, что и черт есть; однако, женися на моей матушке, скоро поверил, что нечистый дух экзистирует³².

Советница. Переменим речь, *je vous en prie*³³: мои уши терпеть не могут слышать о чертях и о тех людях, которые столь много на них походят.

Сын. *Madame!* Скажите мне, как вы ваше время проводите?

Советница. Ах, душа моя, умираю с скуки. И если бы поутру не сидела я часов трех у туалета, то могу сказать, умереть бы все равно для меня было; я тем только и дышу, что из Москвы присылают ко мне нередко головные уборы, которые я то и дело надеваю на голову.

Сын. По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Черт ли видит то, что скрыто, а наружное всяк видит.

Советница. Так, душа моя: я сама с тобою одних сентиментов³⁴; я вижу, что у тебя на голове пудра, а есть ли что в голове, того, черт меня возьми, приметить не могу.

Сын. *Pardieu!* Конечно, этого и никто приметить не может.

Советница. После туалета лучшее мое препровождение в том, что я загадываю в карты.

Сын. Вы знаете загадывать, *grand Dieu!*³⁵ Я сам могу назваться пророком. Хотите ли, чтоб показал я вам мое искусство?

Советница. Ах, душа моя! Ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сын (*привинув столик с картами*). Сперва вы мне отгадайте, а там я вам.

Советница. С радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сын (*подумав*). Загадал.

Советница (*раскладывает карты*). Ах, что я вижу! Свадьба! (*Вздыхает.*) Король женится.

Сын. Боже мой! Он женится! Что мне этого несноснее!

Советница. А дама его не любит...

Сын. Черт меня возьми, ежели и я люблю. Нет, нет сил более терпеть. Я загадал о себе. Ах, *madame!* Или вы не видите того, что я жениться не хочу?

Советница (*вздыхая и жеманяся*). Вы жениться не хотите? Разве падчерица моя не довольно пленила ваше сердце? Она столько постоянна!

лось неприличным принимать гостей.

³⁰ Черт возьми!

³¹ Снисходителен.

³² Существует.

³³ Я прошу вас.

³⁴ Одних чувств, одного мнения.

³⁵ Великий Боже!

Сын. Она постоянна!.. О, верх моего несчастья! Она еще и постоянна! Клянусь вам, что ежели я это в ней, женяся, примечу, то ту же минуту разведусь с нею. Постоянная жена во мне ужас производит. Ah, madame! Ежели бы вы были жена моя, я бы век не развелся с вами.

Советница. Ах, жизнь моя! Чего не может быть, на что о том терзаться? Я думаю, что и ты не наскучил бы мне лишними претензиями.

Сын. Позволь теперь, madame, отгадать мне что-нибудь вам. Задумайте и вы короля и даму.

Советница. Очень хорошо. Король трефовый и кёровая дама³⁶.

Сын (*разложив карты*). Король смертно влюблен в даму.

Советница. Ах, что я слышу! Я в восхищении. Я вне себя с радости.

Сын (*посмотрев на нее с нежностью*). И дама к нему не без склонности.

Советница. Ах, душа моя, не без склонности! Скажи лучше, влюблена до безумия.

Сын. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдал за то, чтоб сведать, кто эта кёровая дама. Вы краснеете, вы бледнеете. Конечно, это...

Советница. Ах, как несносно признаваться в своей страсти!³⁷

Сын (*с торопливостию*). Так это вы...

Советница (*притворяясь, будто последнее слово дорого ей стоит*). Я, я сама.

Сын (*вздохнув*). А кто этот преблагополучный трефовый король, который возмог пронзить сердце кёровой дамы?

Советница. Ты хочешь, чтоб я все вдруг тебе сказала.

Сын (*встав*). Так, madame, так. Я этого хочу, и ежели не я тот преблагополучный трефовый король, так пламень мой к вам худо награжден.

Советница. Как! И ты ко мне пылаешь?

Сын (*кинувшись на колени*). Ты кёровая дама!

Советница (*поднимая его*). Ты трефовый король!

Сын (*в восхищении*). О счастье! О bonheur!³⁸

Советница. Может быть, ты, душа моя, и не ведаешь того, что невеста твоя влюблена в Добролюбова и что он сам в нее влюблен смертно.

Сын. St... St... Они идут. Ежели это правда, oh, que nous sommes heureux³⁹. Нам надобно непременно оставить их в покое, чтоб они со временем в покое нас оставили.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Добролюбов и Софья

Софья. Вы изволили здесь остаться одни, матушка; я нарочно пришла к вам для того, чтобы вам одним не было скучно.

Добролюбов. А я, сударыня, взял смелость проводить ее к вам.

Советница. Нам очень здесь нескучно. Мы загадывали в карты.

Сын. Мне кажется, mademoiselle, что вы как нарочно сюда, сведать о вашей свадьбе.

Софья. Что это значит?

Советница. Мы загадывали о тебе, и если верить картам, которые, впрочем, никогда солгать не могут, то брак твой не очень удачен.

Софья. Я это знаю и без карт, матушка.

Сын. Вы это знаете, на что ж вы рискуете?

³⁶ Дама червей.

³⁷ Страсти.

³⁸ Счастье.

³⁹ О, как мы счастливы.

Софья. Тут никакого риска нет, а есть очевидная моя погибель, в которую ведут меня батюшка и матушка.

Советница. Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я отроду того не хотела, чего отец твой хочет.

Сын. На что такие изъяснения? (*К Советнице.*) Madame, мы друг друга довольно разумеем; не хотите ли вы сойтись с компаниею?

Советница. Для меня нет ничего комоднее⁴⁰ свободы. Я знаю, что все равно, иметь ли мужа или быть связанной.

Сын (*дает ей знаки, чтоб она Софью и Добролюбова оставила*). Да разве вы никогда отсюда выйти не намерены...

Советница. Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНИЕ V

Добролюбов, Софья

Добролюбов. Они нас оставили одних. Что это значит?

Софья. Это значит то, что мой жених ко мне нимало не ревнует.

Добролюбов. А мне кажется, что и мачехе твоей не противно б было, если б твоя свадьба чем-нибудь разорвалась.

Софья. Это гораздо приметно. Мне кажется, что мы очень некстати к ним взошли.

Добролюбов. Тем лучше, ежели этот дурак в нее влюбился, да и ей простительно им плениться.

Софья. В рассуждении ее кокетства очень простительно, и она лучшего себе любовника найти, конечно, не может; однако я жалею о батюшке.

Добролюбов. О, пожалуй, о нем не тужите. Батюшка ваш, кажется мне, с отменною нежностью глядит на бригадиршу.

Софья. Нет. Этого я не думаю. Батюшка мой, конечно, и для того мачехе моей не изменит, чтоб не прогневить Бога.

Добролюбов. Однако он ведает и то, что Бог долготерпелив.

Софья. Ежели ж это правда, то, кроме бригадириши, кажется мне, будто здесь влюблены все до единого.

Добролюбов. Правда, только разница состоит в том, что их любовь смешна, позорна и делает им бесчестие. Наша же любовь основана на честном намерении и достойна того, чтоб всякий пожелал нашего счастья. Ты знаешь, что ежели б мой малый недостаток не отвратил отца твоего иметь меня своим, то бы я давно уже был тобою благополучен.

Софья. Я тебя уверяла и теперь уверяю, что любовь моя к тебе кончится с жизнью моею. Я все предпринять готова, лишь бы только быть твоею женою. Малый твой недостаток меня не устрашает. Я все на свете для тебя снести рада.

Добролюбов. Может быть, и недостаток мой скоро умножится. Дело мое приходит к концу. Оно давно б уже и кончилось, только большая часть судей нынче взяток хотя и не берут, да и дел не делают. Вот для чего до сих пор бедное мое состояние не переменяется.

Софья. Мы долго заговорились. Нам надобно идти к ним, для избежания подозрения.

Конец первого действия

⁴⁰ Удобнее.

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ I

Советники Софья

Советник. Поди сюда, Софьюшка. Мне о многом с тобою поговорить надобно.

Софья. О чем изволите, батюшка?

Советник. Во-первых, о чем ты печалишься?

Софья. О том, батюшка, что ваша воля с моим желанием несогласна.

Советник. Да разве дети могут желать того, чего не хотят родители? Ведаешь ли ты, что отец и дети должны думать одинаково? Я не говорю о нынешних временах: ныне все пошло новое, а в мое время, когда отец виноват бывал, тогда дерут сына; а когда сын виноват, тогда отец за него отвечает; вот как в старину бывало.

Софья. Слава богу, что в наши времена этого нет.

Советник. Тем хуже. Ныне кто виноват, тот и отвечай, а с иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноват только один виноватый. Бывало...

Софья. А правому, батюшка, для чего ж быть виноватым?

Советник. Для того, что все грешны человецы. Я сам бывал судьей: виноватый, бывало, платит за вину свою, а правый за свою правду; и так в мое время все довольны были: и судья, и истец, и ответчик.

Софья. Позвольте мне, батюшка, усумниться; я думаю, что правый, конечно, оставался тогда виноватым, когда он обвинен был.

Советник. Пустое. Когда правый по приговору судейскому обвинен, тогда он уже стал не правый, а виноватый; так ему нечего тут умничать. У нас указы потверже, нежели у челобитчиков. Челобитчик толкует указ на один манер, то есть на свой, а наш брат, судья, для общей пользы, манеров на двадцать один указ толковать может.

Софья. Чего ж, наконец, батюшка, вы от меня желаете?

Советник. Того, чтобы ты мой указ идти замуж толковала не по нашему судейскому обычаю и шла бы за того, за кого я тебе велю.

Софья. Я вам должна повиноваться; только представьте себе мое несчастье: я женою буду такого дурака, который набит одними французскими глупостями, который не имеет ко мне не только любви, ни малейшего почтения.

Советник. Да какого ты почтения от него изволишь? Мне кажется, ты его почитать должна, а не он тебя. Он будет главою твоею, а не ты его головою. Ты, я вижу, девочка молодая и не читывала Священного Писания.

Софья. По крайней мере, батюшка, будьте вы в том уверены, что он и вас почитать не будет.

Советник. Знаю, все знаю; однако твой жених имеет хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшка?

Советник. Деревеньки у него изрядные. А если зять мой не станет рачить о своей экономии, то я примусь за правление деревень его.

Софья. Я не думаю, чтоб будущий мой свекор захотел вас трудить присмотром за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочем, я ни через то, ни через другое не выигрываю. Я привыкла быть свидетельницею доброй экономии.

Советник. Тем лучше. Ты своего не растеряешь; а это разве малое тебе счастье, что ты иметь будешь такую свекровь, которая, мне кажется, превосходит всякую тварь своими добротами.

Софья. Я, по несчастию моему, их в ней приметить еще не могла.

Советник. Это все-таки оттого же, что ты девочка молодая и не знаешь, в чем состоят прямые добродетели. Ты не ведаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямого пути к своему спасению.

Софья. Я удивляюсь, батюшка, какое участие свекровь может иметь в пути моего спасения.

Советник. А вот какое: вышед замуж, почитай свекровь свою; она будет тебе и мать, и друг, и наставница. А ты ее первую по бозе⁴¹, угождай во всем быстропроницательным очам ее и перенимай у нее все доброе. О таком вашем согласии и люди на земле возвеселятся, и ангели на небесах возрадуются.

Софья. Как, батюшка, неужели ангелам на небесах так много дела до моей свекрови, что они тогда радоваться будут, ежели я ей угождать стану?

Советник. Конечно, так. Или думаешь ты, что у Господа в книге животных Акулина Тимофеевна не написана?

Софья. Батюшка! Я не ведаю, есть ли в ней она.

Советник. А я верую, что есть. Поди ж ты, друг мой, к гостям и как будто от себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я, я наставляю тебя угождать ей.

Софья. Позвольте мне вам доложить, батюшка, на что это? Не довольно ли того, если я угождать ей буду без всякого высказывания?

Советник. Я велю тебе ей высказывать, а не меня выпрашивать. Вот тебе мой ответ. Пошла!

ЯВЛЕНИЕ II

Советник (*один*). Она не дура, однако со всем ее умом догадаться не может, что я привязан к ее свекрови, привязан очами, помышлениями и всеми моими чувствами. Не знаю, как объявить ей о моем окаянстве.

Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить неблазную. О, грехов моих тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моление, чтоу сотворит со мною Игнатий Андреевич, который столько же хранит свою супругу, сколько я свою, хотя, впрочем, и не проходило у нас сряду двух часов бесспорно? Вот до чего доводит к чужой жене любовь. Выдаю дочь мою против желанья за ее сына, для того только, чтоб чаще возмог я по родству видеться с возлюбленною сватьею. В ней нахожу я нечто отменно разумное, которое другие приметить в ней не могут. Я не говорю о ее муже. Он хотя и всегда слыл мужиком разумным, однако военный человек, а притом и кавалерист, не столько иногда любит жену свою, сколько свою лошадь... А! да вот она и идет.

ЯВЛЕНИЕ III

Советник и Бригадирша

Советник. Ох!

Бригадирша. О чем ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Советник. О своем окаянстве.

Бригадирша. Ты уже и так, мой батюшка, с поста и молитвы скоро на усопшего походить будешь, и долго ли тебе изнурять свое тело?

⁴¹ Первую после Бога.

Советник. Ох, моя матушка! Тело мое еще не изнурено. Дал бы Бог, чтоб я довел его грешным моим молением и пощением до того, чтоб избавилось оно от дьявольского искушения: не грешил бы я тогда ни на небо, ни пред тобою.

Бригадирша. Передо мною? А чем ты, батюшка, грешишь предо мною?

Советник. Оком и помышлением.

Бригадирша. Да как это грешат оком?

Советник. Я грешу пред тобою, взирая на тебя оком...

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обем. Неужели это грешно?

Советник. Так-то грешно для меня, что если хочу я избавиться вечныя муки на том свете, то должен я на здешнем походить с одним глазом до последнего издыхания. Око мое меня соблазняет, и мне исткнуть его необходимо доужно для душевного спасения.

Бригадирша. Так ты и вправду, мой батюшка, глазок себе выколоть хочешь?

Советник. Когда все грешное мое тело заповедям супротивляется, так, конечно, и руки мои не столь праведны, чтоб они одни взялись исполнять Писание; да я страшусь теплыя веры твоего сожителя, страшусь, чтоб он, узрев грех мой, не совершил на мне заповеди Божией.

Бригадирша. Да какой грех?

Советник. Грех, ему же вси смертныя поработилися. Каждый человек имеет дух и тело. Дух хотя бодр, да плоть немощна. К тому же несть греха, иже не может быть очищен покаянием... (*С нежностью.*) Согрешим и покаемся.

Бригадирша. Как не согрешить, батюшка! Един Бог без греха.

Советник. Так, моя матушка. И ты сама теперь исповедуешь, что ты причастна к греху сему.

Бригадирша. Я исповедуюся, батюшка, всегда в Великий пост на первой. Да скажи мне, пожалуй, что тебе до грехов моих нужды?

Советник. До грехов твоих мне такая же нужда, как и до спасения. Я хочу, чтоб твои грехи и мои были одни и те же и чтоб ничто не могло разрушити совокупления душ и телес наших.

Бригадирша. А что это, батюшка, совокупление? Я церковного-то языка столько же мало смышлю, как и французского. Ведь кого как Господь миловать захочет. Иному откроет он и французскую, и немецкую, и всякую грамоту; а я, грешная, и по-русски-то худо смышлю. Вот с тобою не теперь уже говорю, а больше половины речей твоих не разумею. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумею. Коли чью я речь больше всех разберу, так это своего Игнатя Андреевича. Все слова выговаривает он так чисто, так речисто, как попугай... Да видал ли ты, мой батюшка, попугаев?

Советник. Не о птицах предлежит нам дело, дело идет о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотения? Бригадирша. Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь? Советник. Могу ли я просить... Бригадирша. Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денег, то я всем ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы ныне деньги: ими никто даром не ссужает, а для них ни в чем не отказывают. Здесь входит Сын, а они его не видят.

Советник. Не о деньгах речь идет: я сам для денег на все могу согласиться. (*Становится на колени.*)

Я люблю тебя, моя матушка...

В самое то время, увидев Советник Сына, вскочил, а Сын хохочет и аплодирует.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Сын

Сын. Bravissimo! Bravissimo!⁴²

Бригадирша. Что ты, Иванушка, так прыгаешь! Мы говорили о деле. Ты помешал Артаману Власьичу: он не знаю чего-то у меня просить хотел.

Сын. Да он, матушка, делает тебе déclaration en forme⁴³.

Советник. Не осуждай, не осужден будеши. (*Оторопев, выходит.*)

⁴² Этим восклицанием Сын выражает свое восхищение увиденным.

⁴³ Формальное предложение.

Бригадирша. Иванушка! Вытолкуй ты мне лучше, что ты теперь сказал.

Сын. Матушка, он с тобою амуруется!⁴⁴ Разумеешь ли ты хотя это?

Бригадирша. Он амуруется! И, мой батюшка, что у тебя же на уме!

Сын. Черт меня возьми, ежели это не правда.

Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишься, опомнись! Ведь чертом не шутят. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Сын. Матушка, я вижу, ты этому не веришь. Да на что он становился на колени?

Бригадирша. Я почему знаю, Иванушка. Неужели это для амуру? Ах, он проклятый сын! Да что он это вздумал?

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Советница

Сын. Madame! я теперь был свидетелем пресмешных сцен. J'ai pensé crever de rire⁴⁵. Твой муж объявил любовь свою моей матушке! Ха-ха-ха-ха!

Советница. Не вправду ли? *(Во время речи Бригадиршиной отводит Сына и нечто шепчет ему.)*

Бригадирша *(в сердцах)*. Ах он, собака! Да что он и вправду затеял? Разве у меня Бог язык отнял? Я теперь же все расскажу Игнатью Андреичу. Пускай-ка он ему лоб раскроит по-свойски. Что он это вздумал? Ведь я бригадирша! Нет, он плут! Не думай того, чтоб он нашел на дуру! Мне, слава богу, ума не занимать! Я тотчас пойду...

Сын и Советница ухватили ее за полы.

Сын. Матушка, постой, постой...

Советница. Постой, сударыня.

Сын. Да разве ты, матушка, не заметила, что я шутил.

Бригадирша. Какая шутка! Ведь я слышала, как ты божился.

Советница. Он, сударыня, конечно, шутил.

Сын. Черт меня возьми, ежели это была не шутка.

Бригадирша. Как, ты и теперь так же, батюшка! Что за дьявольщина! Да чему же верить?

Советница. Как, сударыня! Вы не можете шутки отделить от серьезного?

Бригадирша. Да нельзя, мать моя: ведь он так божится, что мой язык этого и выговорить не поворачится.

Советница. Да он, конечно, в шутку и побожился.

Сын. Конечно, в шутку. Я знавал в Париже, да и здесь, превеликое множество разумных людей, et même fort honnêtes gens⁴⁶, которые божбу ни во что не ставят.

Бригадирша. Так ты и заправду, Иванушка, шутил?

Сын. Хотите ли вы, чтоб я еще вам побожился?

Бригадирша. Да ты, может быть, опять шутить станешь! То-то, ради бога, не введи ты меня в дуры.

Советница. Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели б это была правда, я сама капабельна взбеситься.

Бригадирша. Ну, слава богу, что это шутка. Теперь душа моя на месте. *(Отходит.)*

⁴⁴ От французского слова amour – любовь.

⁴⁵ Я думал, что лопну от смеха.

⁴⁶ И даже очень порядочных людей.

ЯВЛЕНИЕ VI

Сын и Советница

Советница. Ты было все дело испортил. Ну ежели бы матушка твоя нажаловалась отцу твоему, ведь бы он взбесился и ту минуту увез отсюда и тебя с нею.

Сын. Madame! Ты меня в этом простить можешь. Признаюсь, что мне этурдери⁴⁷ свойственно; а инако худо подражал бы я французам.

Советница. Мы должны, душа моя, о том молчать, и нескромность твою я ничем бы не могла экскюзовать⁴⁸, если б осторожность не смешна была в молодом человеке, а особливо в том, который был в Париже.

Сын. О, vous avez raison!⁴⁹ Осторожность, постоянство, терпеливость похвальны были тогда, когда люди не знали, как должно жить в свете; а мы, которые знаем, что это такое, que de vivre dans le grand monde⁵⁰, мы, конечно, были бы с постоянством очень смешны в глазах всех таких же разумных людей, как мы.

Советница. Вот прямые правила жизни, душа моя. Я не была в Париже, однако чувствует сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человеческое есть всегда сердце, и в Париже, и в России: оно обмануть не может.

Сын. Madame, ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое же тонкое понятие имеешь о сердце, как я о разуме. Mon Dieu! Как судьбина милосердна! Она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава; мы созданы друг для друга.

Советница. Без сомнения, мы рождены под одною кометою.

Сын. Все несчастье мое состоит в том только, что ты русская.

Советница. Это, ангел мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сын. Это такой défaut⁵¹, которого ничем загладить уже нельзя.

Советница. Что ж мне делать?

Сын. Дай мне в себе волю. Я не намерен в России умереть. Я сыщу occasion favorable⁵² увезти тебя в Париж. Тамо остатки дней наших, les restes de nos jours⁵³, будем иметь утешение проводить с французами; тамо увидишь ты, что есть между прочими и такие люди, с которыми я могу иметь société⁵⁴.

Советница. Верно, душа моя! Только, я думаю, отец твой не согласится отпустить тебя в другой раз во Францию.

Сын. А я думаю, что и его увезу туда с собою. Просвещаться никогда не поздно; а я за то поручую, что он, съездя в Париж, по крайней мере хотя сколько-нибудь на человека походить будет.

Советница. Не то на уме у отца твоего. Я очень уверена, что он нашу деревню предпочтет и раю, и Парижу. Словом, он мне делает свой кур⁵⁵.

Сын. Как? Он мой риваль?⁵⁶

Советница. Я примечаю, что он смертно влюблен в меня.

⁴⁷ Легкомыслие, дурачество.

⁴⁸ Извинить.

⁴⁹ Вы правы!

⁵⁰ Жить в большом свете.

⁵¹ Недостаток.

⁵² Благоприятный случай.

⁵³ Остатки наших дней.

⁵⁴ Общество, общение.

⁵⁵ Он за мной ухаживает.

⁵⁶ Соперник.

Сын. Да знает ли он право честных людей? Да ведает ли он, что за это дерутся?

Советница. Как, душа моя, ты и с отцом подраться хочешь?

Сын. Et pourquoi non?⁵⁷ Я читал в прекрасной книге, как бишь ее зовут... le nom m'es décharré⁵⁸, да... в книге «Les sottises du temps»⁵⁹, что один сын в Париже вызывал отца своего на дуэль... а я, или я скот, чтоб не последовать тому, что хотя один раз случилось в Париже?

Советница. Твой отец очень смешон... такие дураки... Ах! как он легок на помине-то... вот он и идет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Бригадир

Бригадир. Я уж начал здесь хозяйничать. Пришел вас звать к столу. Да что ты, матушка, разговорила с моим повесою? А ты что здесь делаешь? Ты должен быть с своею невестою.

Сын. Батюшка, я здесь быть хочу.

Бригадир. Да я не хочу.

Советница. Да вам, сударь, какое до того дело?

Бригадир. Мне не хочется, матушка, чтоб он тебе болтаньем своим наскучил. Я лучше бы хотел сам с тобою поговорить о деле.

Советница. Говорите, что вам угодно.

Бригадир. Мне угодно, чтоб сын мой был от вас подале: он вам наскучит.

Советница. Нет, сударь, мы очень весело без вас время проводили.

Бригадир. Да я без тебя скучаю. (*Взглянув на Сына.*) Поди ты вон, повеса.

Советница (*к Сыну*). Когда время идти к столу, так пойдем. (*Подает ему руку, он ведет ее жеманяся; а Бригадир, идучи за ним, говорит.*)

Бригадир. Добро, Иван! Будет то время, что ты и не так кобениться станешь.

Конец второго действия

⁵⁷ А почему нет?

⁵⁸ Название я позабыл.

⁵⁹ «Ошибки времени».

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ I

Бригадир и Сын

Бригадир. Слушай, Иван! Я редко смолоду краснел, однако, теперь от тебя, при старости, сгорел было.

Сын. *Mon cher père!*⁶⁰ Или сносно мне слышать, что хотят женить меня на русской?

Бригадир. Да ты что за француз? Мне кажется, ты на Руси родился.

Сын. Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской.

Бригадир. Однако ты все-таки России больше обязан, нежели Франции. Ведь в теле твоём гораздо больше связи, нежели в уме.

Сын. Вот, батюшка, теперь вы уже и льстить мне начинаете, когда увидели, что строгость вам не удалась.

Бригадир. Ну, не прямой ли ты болван? Я тебя назвал дураком; а ты думаешь, что я лъщу тебе: эдакой осел!

Сын. Эдакой осел! (*В сторону.*) *Il ne me flatte pas...*⁶¹ Я вам еще сказываю, батюшка, *je vous le gerète*⁶², что мои уши к таким терминам не привыкли. Я вас прошу, *je vous en prie*⁶³, не обходиться со мною так, как вы с вашим ефрейтором обходились. Я такой же дворянин, как и вы, *monsieur*⁶⁴.

Бригадир. Дурачина, дурачина! Что ты ни скажешь, так все врешь, как лошадь. Ну кстати ли отцу с сыном считаться в дворянстве? Да хотя бы ты мне и чужой был, так тебе забывать того по крайней мере не надобно, что я от армии бригадир.

Сын. *Je m'en moque*⁶⁵.

Бригадир. Что это за манмок?

Сын. То, что мне до вашего бригадирства дела нет. Я его забываю; а вы забудьте то, что сын ваш знает свет, что он был в Париже...

Бригадир. О, ежели б это забыть можно было! Да нет, друг мой! Ты сам об этом напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, из которых за самое малое надлежит, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутенем⁶⁶.

Сын. Батюшка, вам все кажется, будто вы стоите пред фрунтом и командуете. К чему так шуметь?

Бригадир. Твоя правда, не к чему; а вперед как ты что-нибудь соврешь, то влеплю тебе в спину сотни две русских палок. Понимаешь ли?

Сын. Понимаю, а вы сами поймете ли меня? Всякий галантом⁶⁷, а особливо кто был во Франции, не может парировать⁶⁸, что он в жизнь свою не имел никогда дела с таким человеком,

⁶⁰ Мой дорогой отец!

⁶¹ Он мне не льстит.

⁶² Я вам повторяю.

⁶³ Я вас прошу.

⁶⁴ Милостивый государь, господин.

⁶⁵ Мне все равно, наплевать.

⁶⁶ Наказание палками.

⁶⁷ Светский человек.

⁶⁸ Спорить.

как вы; следовательно, не может парировать и о том, чтоб он никогда бит не был. А вы, ежели вы зайдете в лес и удастся вам наскочить на медведя, то он с вами так же поступит, как вы меня трактовать хотите.

Бригадир. Эдакий урод! Отца применил к медведю: разве я на него похож?

Сын. Тут нет разве. Я сказал вам то, что я думаю: *voilà mon caractère*⁶⁹. Да какое право имеете вы надо мною властвовать?

Бригадир. Дуралей! Я твой отец.

Сын. Скажите мне, батюшка, не все ли животные, *les animaux*⁷⁰, одинаковы?

Бригадир. Это к чему? Конечно, все. От человека до скота. Да что за вздор ты мне молоть хочешь?

Сын. Послушайте, ежели все животные одинаковы, то ведь и я могу тут же включить себя?

Бригадир. Для чего нет? Я сказал тебе: от человека до скота, так для чего тебе не поместить себя тут же?

Сын. Очень хорошо; а когда щенок не обязан респектовать⁷¹ того пса, кто был его отец, то должен ли я вам хотя малейшим респектом?

Бригадир. Что ты щенок, так в том никто не сомневается; однако я тебе, Иван, как присяжный человек⁷², клянусь, что ежели ты меня еще применишь к собаке, то скоро сам с рожи на человека походить не будешь. Я тебя научу, как с отцом и заслуженным человеком говорить должно. Жаль, что нет со мною палки, эдакой скосырь выехал!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Бригадирша

Бригадирша. Что за шум? Что ты, мой батюшка, так гневаться изволишь? Не сделал ли ты, Иванушка, какого нам убытку? Не потерял ли ты чего-нибудь?

Бригадир. И очень много. Пропажа не мала.

Бригадирша (*затыхалася*). Что за беда? Что такое?

Бригадир. Он потерял ум, ежели он у него был.

Бригадирша (*отдыхая*). Тьфу, какая пропасть! Слава богу. Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямь не пропало ль что-нибудь.

Бригадир. А разве ум-от ничто?

Бригадирша. Как ничто! Кто тебе это сказывал, батюшка? Без ума жить худо; что ты наживешь без него?

Бригадир. Без него! А без него нажила ты вот этого уroda; не говаривал ли я тебе: жена! не балуй ребенка; запишем его в полк; пусть он, служа в полку, «ума набирается, как то и я дельвал; а ты всегда изволила болтать: ах! батюшка! нет, мой батюшка! что ты с младенцем делать хочешь? не умори его, свет мой! – Вот, мать моя, вот он здравствует! Вот за минуту применил меня к кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Сын (*зевает*). *Quelles espèces!*⁷³

Бригадир. Вот, говори ты с ним, пожалуй, а он лишь только рот дерет. Иван, не беси меня. Ты знаешь, что я разом ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каков я.

⁶⁹ Вот мой характер.

⁷⁰ Животные.

⁷¹ Уважать.

⁷² Дававший военную присягу.

⁷³ Что за уроды!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Советница

Советница. Что ты, сударь, затеял? Возможно ль, чтоб я стерпела здесь такое barbarie?⁷⁴

Бригадир. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Советница. Как! Вы хотите поучить немного вашего сына, вылома у него два ребра?

Бригадир. Да ведь, матушка, у него не только что два ребра: ежели я их и выломлю, так с него еще останется. А для меня все равно, будут ли у него те два ребра или не будут.

Бригадирша. Вот, матушка, как он о рождении своем говорить изволит.

Сын (*к Советнице*). C'est l'homme le plus bougru, que je connais⁷⁵.

Советница. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша к сыну вашему меня беспокоит?

Бригадир. А я, матушка, думал, что грубость его ко мне вас беспокоит.

Советница. Нимало. Я не могу терпеть пристрастия. Мериты⁷⁶ должны быть всегда респектованы: конечно, вы не видите достоинств в вашем сыне.

Бригадир. Не вижу, да скажите же вы мне, какие достоинства вы в нем видите?

Советница. Да разве вы не знаете, что он был в Париже?

Бригадирша. Только ль, матушка, что в Париже он был! Еще во Франции. Шутка ль это!

Бригадир. Жена, не полно ль тебе врать?

Бригадирша. Вот, батюшка, правды не говори тебе.

Бригадир. Говори, да не ври.

Советница (*к Бригадиру*). Вы, конечно, не слыхивали, как он был в Париже принят.

Бригадир. Он этого сказать мне до сих пор еще не смел, матушка.

Советница. Скажи лучше, что не хотел; а ежели я вас, monsieur, попрошу теперь, чтоб вы о своем вояже что-нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать?⁷⁷

Сын. De tout mon soeur, madame⁷⁸; только в присутствии батюшки мне неспособно исполнить вашу волю. Он зашумит, помешает, остановит...

Советница. Он для меня этого, конечно, не сделает.

Бригадир. Для вас, а не для кого больше на свете, я молчать соглашаюсь, и то, пока мочь будет. Говори, Иван.

Сын. С чего ж начать? Par où commencer?⁷⁹

Советница. Начните с того, чем вам Париж понравился и чем вы, monsieur, понравились Парижу.

Сын. Париж понравился мне, во-первых, тем, что всякий отличается в нем своими достоинствами.

Бригадир. Постой, постой, Иван! Ежели это правда, то как же ты понравился Парижу?

Советница. Вы обещали, сударь, не мешать ему. По крайней мере, вы должны учтивостию дамам, которые хотят слушать его, а не вас.

Бригадир. Я виноват, матушка, и для вас, а не для кого более, молчать буду.

Советница (*к Сыну*). Продолжайте, monsieur, continuez⁸⁰.

⁷⁴ Варварство.

⁷⁵ Это самый сварливый человек, какого я знаю.

⁷⁶ Достоинства.

⁷⁷ Удовольствовать.

⁷⁸ От всего сердца, сударыня.

⁷⁹ С чего начать?

⁸⁰ Продолжайте.

Сын. В Париже все почитали меня так, как я заслуживаю. Куда бы я ни приходил, везде или я один говорил, или все обо мне говорили. Все моим разговором восхищались. Где меня ни видали, везде у всех радость являлась на лицах, и часто, не могли ее скрыть, декларировали ее таким чрезвычайным смехом, который прямо показывал, чтоу они обо мне думают.

Советница (*Бригадиру*). Не должны ли вы прийти в восхищение? Я, ничем не будучи обязана, я от слов его в восторге.

Бригадирша (*плача*). Я без ума от радости. Бог привел на старости видеть Иванушку с таким разумом.

Советница (*Бригадиру*). Что ж вы ничего не говорите?

Бригадир. Я, матушка, боюсь вас прогневать, а без того бы я, конечно, или засмеялся, или заплакал.

Советница. Continuez, душа моя.

Сын. Во Франции люди совсем не таковы, как вы, то есть не русские.

Советница. Смотри, радость моя, я там не была, однако я о Франции получила уже от тебя изрядную идею. Не правда ли, что во Франции живут по большей части французы?

Сын (*с восторгом*). Vous avez le don de deviner⁸¹.

Бригадирша. Как же, Иванушка! Неужели там люди-то не такие, как мы все русские?

Сын. Не такие, как вы, а не как я.

Бригадирша. Для чего же! Ведь и ты мое рождение.

Сын. N'importe!⁸² Всякий, кто был в Париже, имеет уже право, говоря про русских, не включать себя в число тех, затем что он уже стал больше француз, нежели русский.

Советница. Скажи мне, жизнь моя: можно ль тем из наших, кто был в Париже, забыть совершенно то, что они русские?

Сын. Totalement⁸³ нельзя. Это не такое несчастье, которое бы скоро в мыслях могло быть заглажено. Однако нельзя и того сказать, чтоб оно живо было в нашей памяти. Оно представляется нам, как сон, как illusion⁸⁴.

Бригадир (*к Советнице*). Матушка, позволь мне одно словцо на все ему сказать.

Сын (*к Советнице*). Cela m'excède, je me retire⁸⁵. (*Выходит.*)

Бригадирша (*к Советнице*). Что он, матушка, это выговорил? Не занемог ли Иванушка, что он так опрометью отсюда кинулся? Пойти посмотреть было.

ЯВЛЕНИЕ IV

Бригадир, Советница

Советница. Вот что вы сделали. Вы лишили меня удовольствия слышать историю вашего сына и целого Парижа.

Бригадир. А я бы думал, что я избавил тебя от неудовольствия слышать дурачества. Разве, матушка, тебе угодно шутить над моим сыном?

Советница. Разве вам, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадир. Над тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтоб меня ту минуту аркибузировали⁸⁶, в которую помышляю я о тебе худо.

⁸¹ У вас есть дар отгадывать.

⁸² Все равно.

⁸³ Совсем.

⁸⁴ Мечта.

⁸⁵ Это выводит меня из терпения, я ухожу.

⁸⁶ Расстреляли.

Советница. Благодарствую, сударь, за вашу эстиму⁸⁷.

Бригадир. Не за что, матушка.

Советница. Ваш сын, я вижу, страдает от ваших грубостей.

Бригадир. Теперь для вас ему спускаю; однако рано или поздно я из него французский дух вышибу; я вижу, что он и вам уже скучен.

Советница. Вы ошиблись; перестаньте грубить вашему сыну. Ведаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадир. Какими?

Советница. Разве вы глухи? Разве вы бесчувственны были, когда он рассказывал о себе и о Париже?

Бригадир. Я бы хотел так быть на этот раз, матушка; я вижу, что вы теперь шутить изво-лите; рассказы его – пустошь. Он хотя и мой сын, однако таить нечего; где он был? в каких походах? на которой акции? А ежели ты охотница слушать и впрямь что-нибудь приятное, то прикажи мне, я тебе в один миг расскажу, как мы турков наповал положили, я не жалел басурманской крови. И сколь тогда ни шумно было, однако все не так опасно, как теперь.

⁸⁷ Почтительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.